

Serhii Plokhy

The Last Empire

The final days of the Soviet Union

Basic Books. NY. 2014

Почти четверть века прошло с того момента, как одну шестую часть земного шара перестали подписывать на картах громоздким: “Союз Советских Социалистических Республик”. Распаду “Советской империи” посвящены сотни книг, кинофильмов и телепередач. Многие авторы включают в заглавия своих работ сам термин “империя”¹, хотя, казалось бы, название исчезнувшей страны прямо указывает на иную форму правления. Одним это дает возможность проанализировать природу советского государства в рамках “новой имперской истории”, для других это всего лишь констатация тех или иных характеристик СССР (физические размеры, недемократический характер власти, статус “сверхдержавы”).

Автор вышедшей в 2014 году монографии “The Last Empire. The Final Days of the Soviet

Union” Сергей Плохий ставит СССР в один ряд с “классическими империями Европы и Евразии нового времени” (р. XVIII). Оставив в стороне дискуссии об имперской природе советского государства, он концентрирует внимание читателей на том, что Советский Союз “пал смертью империи, разорванный по линиям этнических и языковых границ” (р. 393), повторив судьбу Британской, Австро-Венгерской или Османской империй. Толчком к дезинтеграции, по мнению автора, стало развитие институтов демократического управления, инициированное политикой перестройки. Деятельность съездов народных депутатов во всех союзных республиках вывела в публичное пространство новую формацию политиков, которым и выпало принять непосредственное участие в “похоронах Советского Союза”. Избрание Бориса Ельцина президентом РСФСР многократно увеличило его политический капитал и позволило не просто апеллировать к поддержке народа, а подтвердить ее конкретными результатами волеизъявления. Центральным же событи-

¹ ГАЙДАР Е.Т. *Гибель империи*. М.: РОССПЭН, 2006; МЕДВЕДЕВ Р.А. *Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи*. М.: АСТ, 2010; МЭТЛОК Дж. Ф. *Смерть империи: Взгляд американского посла на распад Советского Союза*. М.: Рудомино, 2003; REMNICK D. *Lenin's Tomb: The Last Days of the Soviet Empire*. New York: Random house, 1993; SEBESTYEN V. *Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire*. London: Weidenfeld & Nicolson. 2009.

ем 1991 года, с точки зрения Плохия, был референдум, на котором граждане Украинской ССР проголосовали за независимость своей республики, после чего подписание нового союзного договора стало бессмысленным.

Сергей Плохий избегает ложного отождествления Советского Союза и России, характерного не только для отечественной национал-патриотической публицистики, но и для ряда академических политологических работ². Судьба “империи” — и в этом главный пафос книги — решалась не только в “метрополии”, но и в “провинциях”. Главными героями “Последней империи” помимо Горбачева, Ельцина и участников августовского путча автор вывел и политических лидеров республик: Нурсултана Назарбаева, Станислава Шушкевича, Леонида Кравчука, Вячеслава Чорновила. Эволюция политических позиций каждого из них является одним из двигателей повествования и удерживает внимание читателя не хуже детективного романа. Полный же список действующих лиц книги достигает почти сотни, и “проходных персонажей” в нем нет. Эта принципиальная многоакторность подчеркивает главную мысль автора: судьба Советского Союза была решена не в ходе заговора (или переговоров) внутри узкого круга политических небожителей, а в результате разбалансировки системы отношений между республиками, входившими в состав СССР. Ни конфедеративный, ни федеративный варианты Союзного договора к концу 1991 года уже не отвечали крепнущей самостоятельности бывших “провинций” Советской империи.

Сергей Плохий не соглашается со своими предшественниками, ставящими знак равенства между распадом СССР и окончанием холодной войны. Более того, его книга опровергает распространенное мнение о том, что Соединенные Штаты были заинтересованы в уничтожении Советского Союза и приложили к этому немалые усилия. Казалось бы, эту точку зрения разделяют не только многие исследователи и публицисты, но и некоторые участники событий. 28 декабря 1991 года,

² Сама по себе синонимизация Российской империи, СССР и современной России подробно рассмотрена в работах Марка Бейссингера. См. напр.: Бейссингер М. *Феномен воспроизводства империи в Евразии* // *Ab Imperio*. 2008. № 1. С. 157–177

ровно через неделю после подписания главами бывших союзных республик Алма-Атинской декларации, президент США Джордж Буш-старший, подводя итоги уходящего года, обратился к соотечественникам с торжественной речью:

“Главное событие, произошедшее в мире, в моей жизни, в жизни каждого из нас — Божьей милостью, Америка победила в холодной войне. <...>

Мир, разделенный некогда на два враждующих лагеря, ныне признал единственную и превосходящую другие силу — Соединенные Штаты Америки” (р. 389–390).

Это заявление Буша разительно отличалось от его прежних если не миролюбивых, то дипломатически взвешенных утверждений об американско-советских отношениях. Более того, как показывают рассекреченные документы его архива, которые впервые введены в научный оборот Плохием, самым серьезным опасением американских политиков в 1991 году збыло превращение слабеющей советской державы в “Югославию с ядерными ракетами”. Для того чтобы избежать бесконтрольного распространения оружия массового уничтожения в ходе возможной гражданской войны и гарантировать выполнение условий договора СНВ-1, администрация Буша строила свою внешнюю политику, ориентируясь на союзный центр, а с поздней осени 1991 года — на ельцинскую Россию. Так, во время визита Леонида Кравчука в США 25 сентября 1991 года Буш не поддержал его инициативу о признании независимости Украины в обмен на отказ Украины от ядерного статуса (р. 206–209). Американский президент недвусмысленно дал понять Кравчуку, тогда еще руководителю Украинской ССР, что подобные вопросы не могут решаться без участия союзного руководства. Таким образом, холодная война, хотя и давила тяжким бременем на бюджеты противоборствующих сторон, оказалась, как ни парадоксально, стабилизирующим фактором в судьбе СССР.

Распад СССР в том виде, в котором он состоялся, был для американской стороны не только нежеланным, но и, во многом, неожиданным. Еще в июне 1991 года ЦРУ, предоставляя президенту возможные сценарии развития Советского Союза, не допускало

возможности мирного выхода Украины из его состава (р.50). Об августовском путче советник президента США по национальной безопасности Brent Scowcroft узнал из репортажа CNN (р. 74). Первой реакцией Буша на сообщение о введении режима чрезвычайного положения в СССР стали слова “О Господи!” Сюрпризом стало и подписание лидерами трех славянских республик Беловежских соглашений (р.323). В этом контексте частые телефонные переговоры между Бушем и президентами СССР и РСФСР выглядят попыткой получить сведения из первых рук при неэффективной работе других каналов передачи информации, а никак не выдачей указаний по развалу страны “Вашингтонским обкомом”.

Самая драматичная часть книги посвящена событиям августа 1991 года, которые автор в некоторых случаях восстанавливает с точностью до минут. Именно здесь Плохий приносит слова, кажущиеся наиболее важными для понимания не только августовского переворота, но и всех последних дней Советской империи: “незавершенность”, “неполнота” (incompleteness). Так аналитики ЦРУ охарактеризовали действия путчистов: “незавершенный переворот”, исход которого они не берутся предсказать (р.105). ГКЧП не имел явного лидера и четкого плана действий. Даже о его действительных целях можно спорить. Не получив поддержки ни от Горбачева, ни от Ельцина, заговорщики оказались зажаты между боязнью применить силу и невозможностью легитимировать свою власть. Необходимость выстраивать политические альянсы определяла действия не только путчистов, но и всех других акторов, упомянутых в книге. Долгое время ни один из них не обладал достаточными возможностями, чтобы единолично влиять на развитие событий³. В этом смысле Джорджа Буша также нельзя назвать “свободным игроком”. Но если его зависимость от дипломатических обещаний советской стороне и от ожиданий собственного электората (в

частности, от интересов украинской диаспоры) в книге показана четко, то его отношения с более радикальными соратниками по республиканской партии, в частности с Ричардом Чейни, к сожалению, остались за пределами авторского интереса.

Все выводы автора “Последней империи” подкреплены ссылками на многочисленные источники, многие из которых стали доступны лишь в последнее время. В первую очередь речь идет о материалах Президентской библиотеки Джорджа Буша, документах госсекретаря США Джеймса Бейкера, хранящихся в Принстонском университете, и рассекреченных аналитических записках ЦРУ. Эти документы позволяют заглянуть за кулисы и увидеть, как принимались эпохальные политические решения. Даже в выдержках эти свидетельства оказываются интереснейшим чтением. Наряду с публикуемыми впервые материалами телефонных переговоров президента США или характеристиками на советских политиков, подготовленными для Буша летом 1991 года к московскому саммиту, внимание читателя, безусловно, привлекут цитаты из аудио-дневников Джорджа Буша, которые он надиктовывал на пленку в течение всего своего президентства⁴.

Советские архивные документы представлены, к сожалению, в гораздо меньшем объеме⁵. Главной причиной этого является отсутствие в современной России аналога американского Закона о свободе информации, на основании которого все федеральные учреждения США по прошествии определенного периода обязаны обеспечивать свободный доступ к своей документации, в том числе и по запросу граждан. Эту лакуну хотя бы отчасти могли заполнить интервью с российскими участниками событий 1991 года, но почему-то автор не использовал эту возможность. В то же самое время материалы бесед с Леонидом Кравчуком, Станиславом Шушкевичем и рядом высокопоставленных американских по-

3 Подтверждающим правило исключением можно назвать только поведение Бориса Ельцина 18–22 августа 1991 года, когда его политическая воля (а порой и своеволие) не только сделала его самым популярным российским политиком, но и позволила без ущерба для политического будущего пойти на значительное превышение собственных полномочий, выходящее за рамки Конституции СССР

4 Расшифровки аудио-дневника Джорджа Буша цитируются по: Bush G.H.W., Scowcroft B. *A World Transformed*. New York, 1998.

5 В работе над книгой автор использовал материалы, хранящиеся в архиве Горбачев-Фонда и два (!) документа из собрания Российского государственного архива новейшей истории.

литиков усилили авторскую аргументацию. Некоторое удивление вызывает принцип организации справочного аппарата, когда ссылки на источники “оптом” приводятся в одной сноске по окончанию абзаца, и для того, чтобы проверить ту или иную цитату, приходится потратить значительное время.

С некоторым сожалением приходится признать, что кризис июля–декабря 1991 года, детально проанализированный Плохием, представлен, по его любимому выражению, в качестве *fait accompli* — его истоки, если и появляются на страницах книги, то намечены пунктиром. Так, автор неоднократно замечает, что экономические проблемы занимали в переговорах западных и советских политиков не менее важное место, чем вопросы контроля над ядерными арсеналами. Для советской стороны оставались принципиально важными как условия интеграции СССР в мировое экономическое пространство, так и просьбы о финансовой поддержке Запада перед лицом угрозы гуманитарной катастрофы, связанной с кризисом снабжения. Однако о причинах советских экономических проблем рубежа 1980–1990-х годов на страницах книги почти ничего не сказано. Также представляется, что экскурс — пусть краткий — в историю подписания союзного договора в 1922 году наряду с

базовыми сведениями о национальной политике советского государства только обогатил бы авторский анализ подписания Беловежских соглашений.

Понятно, что заполнение каждой из обозначенных лакун рискует вылиться в написание отдельной монографии, а добавления к труду Плохия — и без того занимающему более пятисот страниц — выглядят избыточными. Однако солидную по объему “Последнюю империю” нельзя назвать неподъемной. Она написана прекрасным языком и легко читается — сказывается юношеская мечта автора о карьере журналиста. Книга уже встречена положительными отзывами в англоязычной прессе и по достоинству оценена жюри премии “Пушкинский Дом”, ежегодно вручаемой в Великобритании авторам работ о российской истории и культуре. Осенью 2015 года книга Сергея Плохия должна выйти на русском языке в издательстве Corpus. Если сотрудникам издательства удастся сохранить легкость слога Плохия и напряженную динамику его повествования, то русскоязычную аудиторию ждет встреча с увлекательной и умной книгой, спокойно и взвешенно рассуждающей о событиях, последствия которых продолжают сказываться и в России, и за ее пределами.

Дмитрий Козлов